

О диктатурѣ

«Какъ нѣкогда римская волчица вскормила близнецовъ, Ромула и Рема, — такъ многоликое послѣвоенное недовольство вскормило другихъ близнецовъ — большевизмъ и фашизмъ».

R. Michel: «Socialismus und Fascismus».

«Что означаетъ эта яростная страсть къ диктатурѣ на слѣдующій день послѣ грандіознаго крушенія троновъ?».

G. Ferrero: «Discours aux sourds».

И въ самомъ дѣлѣ въ чемъ смыслъ этой бѣшеной погони за диктаторами на слѣдующій день послѣ низверженія историческихъ престоловъ? Надо ли было сокрушать деспотическую власть, чтобы къ ней же вернуться? Вѣдь и «глухіе» уже не отрицаютъ, что даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ диктатора не ищутъ или гдѣ его ищутъ, но не находятъ, диктатура, какъ терминъ и даже какъ идея пользуется не меньшей популярностью — не меньше на устахъ и въ головахъ, — чѣмъ побѣдившая и утвердившаяся демократія.

Отпечатана новая карта Европы, на которой головные портреты Пилсудскаго, Вольдемараса, Хорти, короля сербскаго Александра, албанскаго Зогу, Муссолини, Кемальпаши и Примо де Ривера замѣщаютъ территорію Польши, Литвы, Венгрии, Югославіи, Италіи, Испаніи, Турціи. На этой картѣ западной и центральной Европы не хватаетъ еще СССР, затемненнаго ликомъ нашего «чудеснаго грузина». Идея диктатуры окружается романтическимъ ореоломъ. Къ ней, какъ къ путеводной звѣздѣ, притягиваются взоры и мечты о лучшемъ будущемъ всѣхъ недовольныхъ, всѣхъ отталкивающихся отъ неприглядныхъ сто-

ронъ окружающей ихъ эмпири — и справа, и слѣва. И точно не о своемъ, а о нашемъ времени писалъ Дизраэли: «Какъ можемъ мы считать наше время эпохой утилитаризма! Это эпоха безконечно романтическая. Троны рушатся, короны предлагаются какъ въ сказкѣ о феяхъ, и самые могущественные люди свѣта, мужчины и женщины, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ были авантюристами и изгнанниками».

И раньше, конечно, возникла тяга къ «сильной» власти и единоначалію. Но и объективная обстановка, и политико-правовыя основанія къ тому были совершенно иныя. Для повоеннаго и пореволюціоннаго времени характерно, что даже тамъ, гдѣ диктатура торжествуетъ, и тамъ личная и деспотическая власть перестала уже мыслиться въ былыхъ образахъ власти природной, наслѣдственно-привиденціально-божественной и потому неотмѣнимой. Право на единодержавіе опираютъ уже не на Бога, а на исторію и, даже упраздняя власть народа, апеллируютъ къ тому же народу, къ его санкціи.

Достаточно сопоставить бывшее освященіе деспотической власти съ нынѣшними ея попытками самооправданія, чтобы ясенъ сталъ смыслъ происшедшаго, чтобы вскрылась вся разница между вѣкомъ нынѣшнимъ и даже не минувшими вѣками, а тѣмъ же нынѣшнимъ, но только до войны и революціи взятымъ.

Для этого нѣтъ надобности восходить ко временамъ «короля-солнца» или его преемника Людовика XV. Не надо и обращаться непремѣнно къ отсталымъ образцамъ византійско-татарскаго деспотизма русскихъ самодержцевъ, до конца дней своихъ повторявшихъ стереотипную формулу происхожденія ихъ власти отъ Бога и отвѣтственности за нее предъ однимъ лишь всемогущимъ Господомъ. Возьмемъ въ качествѣ образца просвѣщеннаго и «прогрессивнаго» монарха XX-го вѣка, стоявшаго во главѣ высоко развитой, промышленно и политически, страны, управлявшаго культурнѣйшимъ народомъ при наличіи всеобщаго избирательнаго права, всѣхъ видовъ социальнаго страхованія, народнаго образованія, здравія, гигиены и т. д.

Сейчасъ даже повѣрить трудно, что на нашей памяти жилъ и 28 лѣтъ благополучно царствовалъ конституціонный властитель, начавшій царствованіе обращеніемъ къ согражданамъ — : «Вы мнѣ принадлежите тѣломъ и душой. Если-бы я вамъ приказалъ стрѣлять въ вашихъ от-

цовъ и матерей, вы должны были бы мнѣ безропотно повиноваться» (рѣчь Вильгельма II къ войскамъ въ Потсдамѣ въ 1891 г.). Ибо унаслѣдованное отъ предковъ «царство Божьей милостью» возлагаетъ на германскаго императора «грозную отвѣтственность передъ единымъ Творцомъ, которой не могутъ съ монарха снять ни одинъ министръ, ни одна палата, никакой народъ» (рѣчь въ Кобленцѣ 1897 г.). «Монархъ — орудіе Бога, избранникъ неба, выполняющій свой долгъ въ качествѣ такового», а вовсе не обязанный считаться съ «общественнымъ мнѣніемъ или волей рейхстага» (кенигсбергская рѣчь 1910 г.).

Рядомъ съ этимъ сопоставьте возстановленіе неограниченнаго самодержавія въ Югославіи актомъ 6 января с. г. Мановешемъ руки короля сербовъ, кроатовъ и словенцевъ конституція объявлена «не имѣющей силы» (въ томъ числѣ и дѣйствіе ст. 58, согласно которой король принесъ торжественную присягу: «клянусь всемогущимъ Богомъ... сохранять конституцію..., въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь. Аминь!»), народное представительство распущеннымъ, а законы сохраняющими силу лишь «поскольку они не будутъ отмѣнены королевскими указами». Но характерна аргументація въ защиту переворота.

Манифестъ редактированъ отъ имени «сына родины»; ссылается на «голосъ совѣсти и любви къ родинѣ» и «сердце» короля, которое «разрывали жалобы народныхъ массъ, работающихъ и патріотическихъ»; доказываетъ необходимость упразднить «посредниковъ между народомъ и королемъ» («народъ» всегда впереди «короля!») во имя «жизненныхъ интересовъ народа и государства»; даже завѣряетъ, что — «парламентаризмъ, унаслѣдованный отъ моего незабвеннаго отца, остался и моимъ идеаломъ». Еще болѣе отчетливы эти ноты въ обращеніи къ западно-европейскому общественному мнѣнію. Здѣсь король-диктаторъ заявляетъ, что онъ «далекъ отъ мысли ориентировать свою страну въ сторону режима безконтрольной власти; я намѣреваюсь сдѣлать страну позднѣе, при посредствѣ справедливыхъ избирательныхъ законовъ, истинно-парламентарной и истинно-демократической. Я хочу, чтобы она стала болѣе свободной и чтобы она проявляла свою волю съ большей независимостью, чѣмъ въ прошломъ... Въ случаѣ успѣха, какъ и въ случаѣ неуспѣха, я, я лично въ отвѣтъ. Но невозможенъ неуспѣхъ, когда

имѣешь за собой весь свой народъ»... (Декларация корреспонденту «Le Matin» Ж. Зорвейну отъ 16. I. 929).

Достаточно этихъ извлеченій, чтобы понять и почувствовать смыслъ происшедшей эволюціи. Съ войной и революціей, надо думать, навсегда выпали изъ реальной европейской исторіи представители историческихъ династій, вознесенныхъ къ власти случайностью рожденія и, на китайскій образецъ, ощутившихъ себя «избранниками неба». Тѣмъ самымъ не выпало еще, конечно, изъ міра все зло власти, насиліе и мучительство. Не перевелись и едва ли скоро еще переведутся шальные властители, удачливо сочетающіе рискъ съ преступленіемъ. Но свою власть, свою волю къ властвованію и право на него, не считаясь ни съ чѣмъ, кромѣ внутренняго голоса своей совѣсти, любви и ненависти, они будутъ обосновывать — и уже обосновываютъ — совершенно иначе.

Былымъ случайностямъ рожденія теперь противостоять случайное использование «конъюнктуры», личная способность — или «годность» — дерзать чужими судьбами, рискуя вмѣстѣ съ тѣмъ и своей собственной. Представитель личнаго режима въ наше время всегда авантюристъ. Онъ можетъ увлекаться благими цѣлями, можетъ пользоваться не всѣми доступными ему скверными средствами, — но онъ не можетъ не ставить на себя, на свою личную удачу, звѣзду или судьбу. Даже когда къ диктатурѣ переходитъ унаслѣдовавшій власть вѣнценосецъ, онъ и самъ не отрицаетъ своей личной отвѣтственности за нее.

Конечно, можно не придавать никакого значенія тому, какъ «обосновывается» та или другая власть, то или другое право. Какъ бы ни называлась, лишь бы существовала и дѣйствовала, — скажутъ не «краснобаи», а «люди дѣла». Такой взглядъ явно устарѣлъ. Даже во внѣшней войнѣ учитывается теперь состояніе «морали» бойцовъ для исхода боя, значеніе «цѣлей» воюющихъ для исхода войны. Тѣмъ больше основаній войну гражданскую и борьбу политическую не сводить къ одному только физическому столкновенію борющихся сторонъ. Здѣсь «мораль» и «цѣли» борющихся, «имена» и «обоснованіе» предрѣшаютъ исходъ столкновенія, — если не на узкомъ отрѣзѣ времени, то исторически.

Ни одинъ деспотъ или тиранъ не защищалъ насилія, деспотизма и тираніи, какъ самоцѣли. Онъ защищалъ свое

насиліе, данную тиранію, либо оправдывая ее, какъ временную и печальную необходимость, либо выдавая насиліе за не-насиліе, доказывая, что творимое зло относительно и въ конечномъ счетѣ есть добро. Только поверхностному взгляду борьба за имя, за слова и понятія, «символы» и «миѳы», представляется борьбой пустой и бесплодной. Справедливѣе обратное положеніе: вся политическая борьба словомъ и въ печати есть борьба за умы и чувства, за представленія и образы, за отвращеніе отъ ложныхъ соблазновъ и привлеченіе къ подлиннымъ цѣнностямъ, за называніе своимъ именемъ того что есть.

Недооцѣнивающіе этой, «идеологической» стороны въ политической борьбѣ, могутъ на примѣрѣ большевиковъ убѣдиться въ неосновательности своего скептицизма. Большевики ли не преуспѣли въ политической борьбѣ? Они ли не оказались менѣе всего «краснобаями» и больше всего «людьми дѣла»? А развѣ не всевозможнымъ «деноминаціямъ» (демократіи, свободы, европейской культуры, правъ человѣка, социализма) и вновь созданнымъ миѳамъ (о «великомъ Октябрѣ», системѣ «Совѣтовъ», мировой революціи и т. д.) обязаны большевики въ значительной мѣрѣ своими успѣхами?

Тотъ же пріемъ излюбленъ и «спасателями» (*sauveur*) отечества, «возстановителями» (*régénérateur*) порядка и «вдохновителями» (*animateur*) культуры. И они заняты «деноминаціей» и «миѳотворчествомъ», — доказывая, что отечество требуетъ жертвы клятвopреступленія; что право стоитъ того, чтобы ради него были нарушены и законы и конституція; что народъ и его жизненные интересы, а вовсе не личный произволъ и усмотрѣніе, толкаютъ къ уничтоженію «средостѣнія» между властью и населеніемъ и т. д., и т. п.

Мѣняется содержаніе идей и цѣлей борьбы за власть. Остается самая наличность идей и цѣлей въ этой борьбѣ. Мѣняется составъ претендентовъ и аспирантовъ на узурпацію власти. вмѣстѣ съ ними мѣняются и титулы ихъ претензій, основанія для насилія. Но насиліе остается. И именно для того, чтобы его преодолѣть, необходимо разоблачить мнимость его претензій, иллюзорность тѣхъ объективныхъ цѣнностей, коими оно прикрывается. Сойдя съ трона, насильническая власть не ушла изъ жизни. Она лишь смѣнила свои регаліи и символы власти: корону —

на шлемъ, державу — на пятиконечную звѣзду, скипетръ — на связку прутьевъ, порфиру — на толстовку и черную рубаху. Власть утратила свое магическое и мистическое окруженіе. Мѣсто нимба занялъ рекламный плакатъ. «Сыны неба» сошли съ политической авансцены. Нынѣшніе насильники дѣйствуютъ именованъ трудящихся и во имя земныхъ нуждъ. Даже когда они призываютъ имя божье и заключаютъ конкордаты съ Церковью или говорятъ о непреходящемъ значеніи классовой борьбы и абсолютной цѣнности социализма, ихъ главныя думы — о власти, ихъ первѣйшая забота — «продержаться» во что бы то ни стало. Удачно «схваченной за волосы» конъюнктурой они дорожатъ больше всего, опасаясь сильнѣе всего потерять моментъ и снова кануть въ небытіе.

Насильничество династическое стало инертнымъ и коснымъ. Этимъ предопредѣлена была и его гибель. Насильничество новаго типа — молодо, подвижно, не изжило еще періода романтики и героизма. Оно активно, потому что зелено. Именно потому и ярокъ его «румянецъ воли», что нѣтъ у него ни охоты, ни досуга для «блеклыхъ лучей размышленія».

Это не значитъ, конечно, что политика не столько размышляющая, сколько дѣйствующая, и есть политика наилучшая.

Еще древніе авторы отмѣчали нѣкую предрасположенность однѣхъ политическихъ формъ «соскальзывать» и «сползать» въ другія. Такъ демократіи грозитъ опасность соскользнуть въ анархію и охлократію; охлократіи — въ олигархію; олигархіи — въ личный режимъ узурпатора, вновь вызывающій жажду освобожденія и борьбу за право выбирать себѣ властителей.

Новое время — эпоха англійской и французской революцій и исторія возвышенія Кромвеля и Наполеона — подтвердило правильность установленнаго еще въ дохристіанскую эру Аристотелемъ и Полибіемъ наблюденія. И сейчасъ съ прежней остротой выдвигается старый, насчитывающій два съ лишнимъ тысячелѣтія вопросъ о томъ, какъ возможна демократія? Какъ сдѣлать, чтобы, низвергнувъ абсолютизмъ, демократія сама не свалилась въ анархію и охлократію? Какъ предупредить,

чтобы пореволюціонное господство толпы (охлократія) и власть немногихъ выходцевъ изъ революціи, слугъ революціи, ставшихъ ея «господами» (олигархія), не привела въ конечномъ счетѣ къ исходному пункту, къ единой державіи? Въ другихъ терминахъ, — какъ обезпечить «демократическую ликвидацію революціи»?

Съ древнѣйшихъ временъ республиканскаго Рима для того, чтобы предупредить вырожденіе республики въ монархію и возстановить нормальный, республиканскій правопорядокъ установленъ былъ институтъ диктатуры. Диктатура предусматрѣна была въ законѣ въ качествѣ чрезвычайнаго средства для исключительныхъ обстоятельствъ. Наличие таковыхъ и необходимость диктатуры опредѣлялась сенатомъ. Диктаторъ избирался (консулами обычно изъ среды бывшихъ консуловъ) и утверждался (комиціями). Въмѣсто власти коллегіальной и подконтрольной власти единоличная и безотвѣтственная устанавливалась для опредѣленной цѣли и съ ограниченіемъ не только внутреннимъ (предметомъ), но и вѣншимъ — срокомъ. Чаще всего диктаторъ назначался для веденія войны (*rei gerendae causa*), иногда для устраненія гражданской усобицы (*seditionis sedandae causa*), рѣже для руководства выборами въ народныхъ собраніяхъ (*comitiarum habendorum causa*) и гражданскихъ или религиозныхъ празднествъ (*clavi figendi causa; feriarum et constituendarum et ludorum faciendorum causa*). Предѣльный срокъ диктатуры былъ 6 мѣсяцевъ. Но громадное большинство диктаторовъ, по выполненіи заданія, складывали чрезвычайныя полномочія до истеченія законнаго срока: Цинцинатъ — уже черезъ 15 дней, Сервилій Прискъ — черезъ 8, Мамеркъ — черезъ день. (См. F. Bondel: «Die Römischen Diktatoren». 1910).

Такова была диктатура въ древнемъ Римѣ. Конституція предусматривала ее въ интересахъ охраны республиканско-демократическаго строя. Даже когда диктатура отступала фактически отъ республиканскихъ формъ правленія, она дѣлала это во имя «спасенія республики» и ея защиты.

Иной была диктатура позднѣйшая, возникшая послѣ свѣше вѣкового перерыва въ первомъ вѣкѣ до Р. X. Диктатура Суллы — для установленія порядка въ государствѣ (*rei publicae constituendae causa*) — и тѣмъ болѣе Цеза-

ря имѣла съ прежнимъ типомъ диктатуры только общее имя. По существу же — въ защитныхъ формахъ республиканской легальности давала выраженіе уже монархическимъ устремленіямъ.

Современники называли Суллу «на половину львомъ, на половину лисой, при чемъ лиса въ немъ опаснѣе льва». Они прибавляли въ его оправданіе, что при дурныхъ законахъ, по нуждѣ, и царь можетъ стать благомъ: *satius est uti regibus quam uti malis legibus*. Въ посланіи къ сенату Сулла заявилъ, что необходимо возложить установленіе государственнаго порядка на одного человѣка и что онъ, Луцій Корнелій Сулла, считаетъ себя на то способнымъ. Въ условіяхъ тогдашняго Рима предложеніе Суллы было равносильно приказу. Какъ указалъ Моммсенъ, въ общемъ къ Суллѣ весьма благосклонный, чтобы предотвратить тиранію «защитникъ олигархическихъ учрежденій вынужденъ былъ самъ взять на себя роль тирана. Въ этой побѣдѣ олигархіи было немало сходства съ пораженіемъ». Моммсенъ признаетъ, что «въ государственныхъ учрежденіяхъ Суллы было, конечно, столь же мало устойчивости, какъ и въ учрежденіяхъ Кромвеля. Нетрудно было замѣтить, что фундаментъ непроченъ. Но не будь Суллы, волны, по всему вѣроятію, унесли бы даже то мѣсто, на которомъ было воздвигнуто государственное зданіе».

Болѣе суровый къ Суллѣ Ферреро утверждаетъ, что Сулла вообще ничего не сдѣлалъ. Его законодательство было скоро разрушено, — подобно хижинѣ изъ тростника, опрокидываемой первымъ порывомъ вѣтра. «Отъ него остался только ужасъ, внушенный личностью, новой въ исторіи Рима и въ представленіи современниковъ неразрывно связанной съ Суллой, между тѣмъ какъ то было лишь послѣднее необходимое проявленіе всѣхъ античныхъ демократій — вождь солдатчины, всемогущій благодаря золоту и желѣзу» («Величіе и паденіе Рима», т. I, 108).

Немногимъ больше осталось, по свидѣтельству Ферреро, и отъ режима Цезаря, «великаго, гигантскаго разрушителя», и по сей день служащаго именемъ и символомъ личной диктатуры.

Сулла все же сложилъ съ себя диктатуру, выполнивъ въ 4 года поставленную себѣ задачу. Цезарь же, трижды назначавшійся диктаторомъ, провозглашенный диктато-

ромъ на 10 лѣтъ, а потомъ и навѣчно, диктаторомъ и умеръ. Диктатурѣ и обязанъ преждевременной смертью. Покончивъ съ диктаторомъ, убійцы отправились на Капитолій, неся на концахъ палокъ остроконечную шапку, какъ символъ свободы, и взывая къ свободѣ и республикѣ.

Вокругъ Цезаря образовалась пустота, — только это и дало успѣхъ заговору, въ которомъ участвовало до 80 высшихъ должностныхъ лицъ Рима. Лишь небольшая честолюбивая и активная котерія приверженцевъ Цезаря изъ низшаго слоя тѣснилась вокругъ диктатора, ревнуя о его милостяхъ и отстраняя опасныхъ соперниковъ. Только наивные потомки, по мнѣнію Ферреро, могли увидѣть въ Цезарѣ героя и полубога. Современники же не могли не видѣть его ошибокъ, не чувствовать причиненнаго имъ зла. Самая мысль о томъ, что одинъ человекъ, какъ бы уменъ и энергиченъ онъ ни былъ, съ нѣсколькими друзьями и вольноотпущенниками, собранными случайно на путяхъ 12-лѣтнихъ войнъ, могутъ остановить въ обширной имперіи безпорядокъ, возникшій отъ длительного социальнаго разложенія и перемѣнъ, была, по словамъ Ферреро, химерической. Диктатура Цезаря должна была казаться современникамъ чудовищной, приближающейся вплотную къ монархіи, символу тираніи.

Что характерно для режима Цезаря, это — упорное сопротивление обвиненіямъ въ ниспроверженіи традицій, въ нарушеніи конституціи, въ дѣйствіи противъ духа, если не противъ буквы, законовъ, въ силу которыхъ онъ получилъ власть. Цезарь не переставалъ отвергать обвиненіе въ томъ, что онъ стремится къ власти монарха и тѣмъ самымъ тирана. Онъ порицалъ тѣхъ, кто высказывали желаніе провозгласить его царемъ. Онъ изгналъ изъ сената трибуновъ за то, что они будто бы съ провокаціонными цѣлями вызвали уличныя привѣтствія по адресу Цезаря, какъ царя. Извѣстна пантомима, разыгранная Цезаремъ ровно за мѣсяць до смерти, повидимому, по соглашенію съ Антоніемъ. На праздникъ Луперкалій передъ предсѣдательствовавшимъ Цезаремъ появился Антоній съ короной въ рукахъ и пытался возложить ее на голову Цезаря. Цезарь отклонилъ попытку. Антоній настаивалъ. Цезарь повторилъ отказъ энергичнѣе. Ему устроили овацію. И онъ приказалъ записать въ календарь, что въ этотъ день, 15 февраля, народъ предложилъ ему царскій вѣнецъ.

а онъ отказался. Историки, описывающіе эту сцену, прибавляютъ — явная ложь вызвала сильное негодованіе противъ Цезаря.

Ни одинъ деспотъ не склоненъ воспринимать свою власть, какъ тиранію. И Цезарю приписываютъ слова: «Я предпочитаю смерть — жизни въ качествѣ тирана». Но, можетъ быть, только смерть помѣщала Цезарю сдѣлаться царемъ. Пожизненный диктаторъ и единоличный консуль (*sine collega*), — по объему власти былъ равнозначенъ самодержцу. Конституціонныя препоны были преиждены во имя «высшей необходимости» — завоеванія Парфіи.

Исторія восхожденія къ власти Суллы и Цезаря стала классической для всѣхъ послѣдующихъ диктатуръ, когда полнотой власти облакался военачальникъ, покрывшій славою себя и страну. Классической сдѣлалась и система оправданія диктатуры и жизненнаго дѣла диктаторовъ. И тѣ, у которыхъ диктатура «удавалась», и тѣ, чья удача оставалась спорной, и тѣ, кто только вождельлъ диктатуры, идеологи и практики одинаково прибѣгали — и прибѣгаютъ — къ доводамъ Суллы и Цезаря, насчитывающимъ двухтысячелѣтнюю давность.

**
**

Цезаріанскій режимъ справедливо противопоставляется режиму представительному, народоправству прямому и не-прямому, режиму общественнаго мнѣнія.

Цезаріанскій режимъ предполагаетъ прежде всего наличность лица, ставшаго кумиромъ страны не въ силу своего происхожденія, а въ силу собственнаго престижа, личныхъ способностей и успѣха. Съ другой стороны, такой режимъ предполагаетъ состояніе умовъ и чувствъ, при которомъ народъ или общественное мнѣніе въ силу особыхъ историческихъ обстоятельствъ утрачиваютъ вкусъ и волю къ осуществленію власти. Цезаріанскій режимъ покоится на покорности страны, ввергнутой въ анархію и отдавшей диктатору въ расчетъ, что онъ все можетъ и на все способенъ.

Въ новое время классическими типами такого режима были диктатуры Наполеоновъ I и III, установленныя конституціей 22 февраля VIII года (и сенатусконсультами

16 термидора X и 28 флореаля XII г. г.) и конституціей 14 января 1852 г.

Ореоль побѣдоноснаго генерала и безразличіе къ праву и свободѣ страны, ввергнутой въ анархію, административную, финансово-экономическую и внѣшне-политическую, дали возможность Бонапарту установить свою диктатуру. Послѣдующіе успѣхи военачальника и ловкость государственнаго дѣятеля послужили къ усилению цезаріанскихъ элементовъ режима и утвержденію монархіи, пока -- военное пораженіе и новый приливъ освободительныхъ идей и чувствъ не сокрушили власти императора и не превратили Франціи въ представительную демократію.

Цезаріанскія черты режима, установленнаго переворотомъ 2 декабря 1851 г., были въ такой же мѣрѣ слабѣе, въ какой личный престижъ «принца» Людовика Наполеона былъ тусклѣе по сравненію съ ореоломъ Наполеона I, а экономическое и душевное состояніе Франціи 2 декабря все же менѣе отчаяннымъ и менѣе безнадежнымъ, чѣмъ въ день 18 брюмера. Престижъ Людовика Наполеона покоился на избраніи его президентомъ республики націей, какъ цѣлостнымъ избирательнымъ корпусомъ; на ловкости, съ которой ему удалось выказать себя защитникомъ всеобщаго избирательнаго права по сравненію съ реакціонной палатой, вотировавшей непопулярный законъ 31 мая 1850 г.; наконецъ, — на историческомъ имени его великаго дяди. Реакція въ пользу Людовика Наполеона объясняется и разочарованіемъ въ исходѣ «безкровной и солнечной» февральской революціи, какъ называли во Франціи революцію 1848 г., и отталкиваніемъ отъ народно-представительнаго органа, вычеркнувшаго изъ избирательныхъ списковъ и тѣмъ лишившаго правъ сразу 3 милліона французовъ.

Режимъ диктатуры -- Цезаря, Наполеоновъ и ихъ позднѣйшихъ подражателей — сосредоточиваетъ всю власть въ однѣхъ рукахъ. Въ своемъ предѣльномъ выраженіи онъ отвергаетъ всякое раздѣленіе властей, не оставляетъ никакого мѣста для выборовъ. Диктаторъ самъ или черезъ своихъ агентовъ осуществляетъ всѣ государственныя функціи. И вмѣстѣ съ тѣмъ диктаторъ всегда стремится укрыть свой личный режимъ въ учрежденіяхъ и формахъ упраздненной имъ демократіи. Произволь онъ пробуетъ примирить съ началомъ законности, узурпацію

власти --- съ выборнымъ началомъ, всячески умаленнымъ и подконтрольнымъ. Даже когда диктаторъ-самодержецъ провозглашаетъ себя монархомъ - императоромъ, онъ ищетъ опоры для трона и санкціи своего произвола въ народномъ голосованіи. Во исполненіе максимы Сѣйеса — власть должна явиться сверху, довѣріе снизу — излюбленнымъ способомъ «примиренія» диктатуры и демократіи съ давнихъ поръ сталъ плебисцитъ.

Конституцію VIII года «проголосоваль» народъ: изъ 3.012.569 голосовавшихъ только 1.562 осмѣлились сказать Бонапарту «нѣтъ». Только 8.365 (изъ 3.667.220) отказались предоставить Наполеону пожизненное консульство въ X-омъ году. И только 2.979 (изъ 3.524.254) не пожелали въ XII-омъ году предоставить ему императорское званіе въ порядкѣ преемства «прямого, естественнаго, законнаго и унаслѣдованнаго».

Тотъ же пріемъ повторилъ — и не одинъ разъ — Наполеонъ III съ тѣмъ отступленіемъ въ пользу демократическаго принципа, что здѣсь плебисцитъ предшествовалъ изданію конституціи. Франція санкціонировала переворотъ 2 декабря — «делегировала Людовику-Наполеону Бонапарту необходимыя полномочія для составленія конституціи» 7.439.216 «да» при 640.757 «нѣтъ» и 36.820 «недѣйствительныхъ» голосахъ.

Плебисцитъ внѣшне отдастъ дань демократическому принципу. Но именно -- внѣшне и условно. Диктатура и спользуетъ демократическія начала, поскольку они не вступаютъ въ противорѣчіе съ интересами и, паче всего, съ существованіемъ диктатуры. Самосохраненіе для нея высшій законъ и абсолютная цѣнность. Весьма умѣренныя демократы единодушно отмѣчаютъ, что процедура плебисцита никогда не обезпечиваетъ тайны голосованія. Говорящіе «нѣтъ» или отъ голосованія воздержавшіеся имѣютъ всѣ основанія опасаться, что ихъ отношеніе къ власти станетъ извѣстнымъ. Не приходится подчеркивать несовершенство самой природы плебисцита, допускающаго односложный выборъ лишь между правительствомъ реально сущимъ и существующимъ только въ идеѣ и фатально благопріятнымъ правительству, плебисцитъ организующему. Существеннѣе, что диктаторъ, чрезъ волю народа преступившій и конституцію нарушившій разъ, не имѣетъ въ случаѣ падобности никакихъ мотивовъ не нарушить закона вторично или не отказаться

отъ всякой уступки общественному мнѣнію, даже въ формѣ плебисцита. И въ дѣйствительности, когда Наполеонъ почувствовалъ себя достаточно прочно, онъ сенатусконсулъ 10 августа 1807 г. объ упраздненіи Трибуната не подвергъ и плебисциту.

Цезарь далъ, Цезарь взялъ, — да будетъ благословенно имя его! Ибо въ его разумѣ, совѣсти и волѣ — мѣра вещей и мѣра вещамъ!

Приведенные примѣры исторіи, увы, — не только исторія. Или точнѣе — исторія, до курьезныхъ подробностей повторяющаяся и въ наши дни. Достаточно напомнить обстоятельства, сопровождавшія плебисцитъ 24 марта с. г. произведенный Муссолини въ доказательство прочности фашистскаго режима въ Италіи и одновременно въ цѣляхъ подкрѣпленія своего авторитета. Презираемый Муссолини народъ, пригодный къ самостоятельности, по словамъ диктатора, лишь постольку, поскольку идетъ вопросъ о томъ, гдѣ поставить пожарную кишку, и вообще, что такое народъ? — «Народъ никогда не былъ опредѣленъ; это единство совершенно абстрактное» — народъ былъ призванъ свидѣтельствовать, что фашизмъ Италіи по душѣ. Народныя массы, неспособныя, по утверженію диктатора, выразить на выборахъ свою волю и того меньше — выбирать надлежащихъ для государства людей, должны были отпустить грѣхъ Муссолини и выдать ему индульгенцію.

Единый и единственный списокъ, одобренный и утвержденный фашистскимъ совѣтомъ и самимъ Муссолини, получилъ 8.663.412 голосовъ (цифра, близко напоминающая плебисцитъ 1851 г.). «Нѣтъ» сказало всего 135.761 человекъ. До 10% предпочло отъ голосованія воздержаться. Это — официальные цифры, рѣшительнымъ образомъ оспариваемыя анти-фашистами и вызывающія «рядъ сомнѣній» даже у такихъ, скорѣе благосклонныхъ къ фашизму авторовъ, какъ Н. С. Тимашевъ.

Противники фашизма отмѣчаютъ, что власть предвѣрительно произвела «чистку» списковъ, и до 3 миллионъ избирателей, преимущественно анти-фашистовъ, были изъ списковъ 1924 г. исключены. Избирательная кампанія была монополизирована правящей партіей, провозгласившей устами брата диктатора Арнальдо Муссолини: «Горе воздержавшимся! Они заслуживаютъ имя предателей. Имъ нѣтъ мѣста въ жизни Италіи!». Отъ государственныхъ чи-

новниковъ въ порядкѣ служебной дисциплины требовалось возвращеніе бюллетеня «нѣтъ», какъ свидѣтельство лояльнаго отношенія къ власти. Лицамъ либеральныхъ профессій воздержаніе, а тѣмъ болѣе неблагопріятный во-тумъ, грозили исключеніями изъ огосударствленнаго синдиката.

Теоретически голосованіе было тайное. Но фактически оно почти повсемѣстно было открытымъ. Самая процедура протекала подъ руководствомъ назначенныхъ «подестъ» (городскихъ головъ). Предсѣдатель избирательной комиссіи предлагалъ только трехцвѣтный бюллетень — «да». Чтобы получить бѣлый бюллетень съ «нѣтъ», надо было проявить и настойчивость и мужество. Чтобы вотировать противъ фашизма и въ то же время избѣгнуть репрессіи, избиратели на «да» трехцвѣтнаго бюллетеня наклеивали слово «нѣтъ». Всѣ такіе бюллетени были отнесены къ трехцвѣтнымъ бюллетенямъ, т. е. какъ «да» сочтены въ плюсъ фашизму. Въ большихъ городахъ тайна голосованія раскрывалась различными отмѣтками на бюллетеняхъ. Въ малыхъ городахъ и мѣстечкахъ по просту принималась присяга въ томъ, что голосъ будетъ поданъ за фашистскій списокъ. Съ развернутыми знаменами и музыкой во главѣ въ военномъ порядкѣ вели къ урнамъ избирателей.

Въ числѣ проголосовавшихъ оказались тяжелобольные, отсутствовавшіе, мертвецы. Фашистская молодежь голосовала по нѣсколько разъ: если вѣрить публичной похвальбѣ, нѣкоторые изъ нихъ умудрились голосовать по 80 разъ! По исчисленію «Италіи» — інформаціонный органъ антифашистской концентраціи, руководимый Филиппо Турати, — тамъ, гдѣ официальные цифры показываютъ 90% избирателей, фактически голосовало всего 15%. Въ Анци къ урнамъ пришло всего 225 человекъ, а въ официальномъ итогѣ значится 694 «да». На островѣ Понца на 740, значившихся въ избирательныхъ спискахъ, оказалось 900 «да». Наиболѣе показательнымъ все же надо считать случай съ Тиродемъ. Правда, наканунѣ плебисцита фашистскій органъ въ Боценѣ «Alpenzeitung» предупреждалъ: «если вы не будете голосовать, вы — дезертиры; если вы будете голосовать противъ, вы — измѣнники!» Все же всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ общимъ положеніемъ въ этой отошедшей къ Италіи по Сень-Жерменскому договору провинціи, кто знаетъ настроеніе

умовъ и чувствъ тамошняго нѣмецкаго меньшинства не можетъ не признать полной абсурдности официальныхъ данныхъ о томъ, что населеніе Тироля будто бы цѣликомъ голосовало за Муссолини.

Можно привести и соображеніе болѣе общаго порядка. Если въ наиболѣе благоденствующихъ, благоустроенныхъ и живущихъ нормальной жизнью странахъ оппозиція всегда объединяетъ не менѣе 25 - 20% избирателей, какъ могло случиться, кто можетъ повѣрить, что именно въ Италіи, не вышедшей изъ полосы политическаго кризиса и труднаго финансово-экономическаго положенія, какъ разъ тамъ и царить трогательное единодушіе!?

Плебисцитъ, удачно проведенный Людовикомъ-Наполеономъ черезъ нѣсколько дней послѣ удачно совершеннаго переворота, далъ право диктатору сказать, что свыше 7 милліоновъ французовъ отпустили ему его грѣхъ. Плебисцитъ, проведенный италіанскимъ диктаторомъ на 7-ой годъ послѣ несостоявшагося похода на Римъ и капитуляціи короля, не столько отпускаетъ Муссолини его грѣхи, сколько подчеркиваетъ силу демократическаго принципа, неотразимую даже для его ненавистниковъ. И они, отвергая и отталкиваясь отъ народнаго волеизъявленія, вынуждены прибѣгать къ нему; кляня и фальшивя, искать именно въ немъ опору и санкцію своему насилію надъ народомъ и свободой.

Муссолини писалъ въ 23 году: «Когда группа или партія находится у власти, она обязана въ ней укрѣпляться и защищаться противъ всѣхъ... Міръ усталъ отъ свободы... Теперь свобода уже перестала быть той непорочною и строгой дѣвой, ради которой боролись и гибли поколѣнія второй половины прошлаго вѣка. Для взволнованной и суровой молодежи, вступающей въ жизнь въ утреннихъ сумеркахъ новой исторіи, есть другія слова, вызывающія обаяніе и гораздо болѣе величественныя. Эти слова: порядокъ, іерархія, дисциплина. Фашизмъ не боится прослыть реакціоннымъ и объявить себя антилиберальнымъ... Онъ уже разъ прошелъ и, если это будетъ нужно, еще разъ переступить спокойно черезъ обезображенное, уже полуистлѣвшее тѣло богини Свободы»...

Обращеніе къ плебисциту свидѣтельствуетъ о внутренней пустотѣ и тщетѣ фашизма, пожелавшаго устроиться безъ народа и безъ свободы, — безъ народа, который до

свободы еще не дозрѣлъ, и безъ свободы, которая вовсе не всегда индивиду и народу необходима.

Москва и Римъ, «душа» Россіи и «душа» Италіи одинаково возстали противъ свободы и западно-европейской культуры съ ея правами человѣка и гражданина, народо-властіемъ и прочими атрибутами демократіи. Одинаково хотять «нагнать и перегнать Европу», — «итти не только в верхъ и при томъ бы стрѣе, чѣмъ Германія и Англія, но еще и по другой дорогѣ», какъ выразился Луначарскій въ докладѣ на только что закончившемся Съѣздѣ Совѣтовъ. («Извѣстія» отъ 17. V). Въ «Анти-Европѣ», выпускаемой римскимъ «фашсомоломъ», много родственнаго и дорогого россійскимъ ленинцамъ и зарубежнымъ евразійцамъ. Возстаніе противъ европейской свободы и культуры характерно для «римскаго Запада» не менѣе, чѣмъ для «московского Востока».

Даже не будучи опредѣленно контръ-революціонной, диктатура въ прошломъ всегда стремилась преодолѣть революцію, ликвидировать ее. Исторически она почти всегда бывала по-революціонной и потому политически окрашенной въ темные цвѣта реакціи. Только со второй половины прошлаго столѣтія диктатуру стали облекать и въ красные цвѣта революціи. Діалектика Маркса оправдала идею диктатуры передъ широкими кругами передового общественнаго мнѣнія.

Въ томъ же 1847 г., въ которомъ, по словамъ Энгельса (въ предисловіи къ одному изъ позднѣйшихъ изданій «Коммунистическаго Манифеста»), «слово социализмъ обозначало буржуазное движеніе», Марксъ «поставилъ на голову» понятіе диктатуры. Изъ идеи-силы, направленной на защиту интересовъ командующихъ классовъ, Марксъ сдѣлалъ ее орудіемъ освобожденія рабочаго класса. Правда, слово диктатура въ Манифестѣ не произнесено, — и это наполняетъ утѣшеніемъ и отрадой сердца нѣкоторыхъ марксистовъ и по сей день. Но и они не могутъ отрицать фактъ усвоенія Марксомъ идеи диктатуры, заимствованной у «буржуазныхъ» историковъ, и лишь смягчаютъ и благожелательно толкуютъ этотъ прискорбный фактъ.

Такъ Каутскій еще въ работѣ 21 г. - *Von der Demokratie zur Staatssklaverei* — указывалъ, что «Лозунгъ диктатуры пролетаріата съ самаго начала страдалъ тѣмъ, что онъ имѣлъ нѣсколько смысловъ. Марксъ и Энгельсъ никогда его не выдвигали, а употребляли его лишь между прочимъ. Его нѣтъ ни въ одной изъ ихъ програмныхъ работъ*), въ томъ числѣ и въ «Коммунистическомъ Манифестѣ», хотя они ко времени составленія Манифеста во многомъ стояли еще ближе къ бланкистскому образу мыслей, чѣмъ то было позднѣе... Языкъ «Коммунистическаго Манифеста» говоритъ не о диктатурѣ, а о господствѣ (*Herrschaft*) пролетаріата на основѣ демократіи, завоеванной путемъ революціи».

Конечно, это — толкованіе Манифеста, толкованіе буквы, а не существа, и толкованіе въ свѣтъ побольшевицкаго опыта, а не того подлиннаго смысла, который имѣлъ лозунгъ диктатуры пролетаріата во всей полемической и апологетической литературѣ марксизма, особенно — марксизма русскаго. И «Коммунистическій Манифестъ», хотя въ немъ «диктатура» и не названа по имени, а, наоборотъ, упомянуто «завоеваніе демократическаго режима», былъ гимномъ и призывомъ къ грядущему классовому гегемону и диктатору—пролетаріату. Ибо демократическій режимъ въ терминахъ Манифеста есть не что иное, какъ «созданіе изъ пролетаріата правящаго класса»; «путемъ рабочей революціи» пролетаріатъ «оснууетъ свое господство» (п. 30); свое «политическое господство (*suprematie*) пролетаріатъ используетъ для того, чтобы постепенно вырвать у буржуазіи всѣ капиталы» и для «деспотическаго нарушенія правъ собственности и буржуазныхъ условій производства» (п. п. 52 и 54); непосредственная цѣль коммунистовъ — «завоеваніе политической власти пролетаріатомъ», политическая же власть есть «организованная власть класса въ цѣляхъ угнетенія другого класса» (п. п. 34 и 54).

*) Врядъ ли это можно сказать о «Критикѣ Готской программы», въ которой опредѣленно говорится о диктатурѣ пролетаріата. — Не болѣе точно указаніе и на то, что лозунгъ диктатуры пролетаріата Марксъ употреблялъ «лишь между прочимъ». Въ «Классовой борьбѣ во Франціи 1848 - 1850 г. г.» совершенно отчетливо «непрерывность революціи и диктатура пролетаріата» выдвигаются, какъ необходимая переходная ступень къ устраненію всѣхъ классовыхъ различій.

Чѣмъ такое «господство» пролетаріата, предусмотрѣнное «Коммунистическимъ Манифестомъ», отличается отъ диктатуры пролетаріата, отстаиваемой ленинизмомъ, сказать, конечно, невозможно! Оригинальность «Коммунистическаго Манифеста» не въ указаніи на то, что пролетарское движеніе осуществляется въ интересахъ огромнаго большинства въ то время, какъ всѣ предшествующія осуществлялись въ интересахъ ничтожнаго меньшинства. Его оригинальность въ томъ, что къ новому социальному строю восходящій классъ пролетаріата долженъ идти тѣмъ же путемъ диктатуры, какимъ въ свое время шла къ своему господству и буржуазія. И социалистическій переворотъ Марксъ представлялъ себѣ по образу и подобию былыхъ буржуазныхъ переворотовъ.

Достаточно напомнить противоположеніе буржуазныхъ революцій — пролетарской, которое сдѣлалъ тотъ же Каутскій въ своей болѣе поздней работѣ, чтобы увидѣть разстояніе, отдѣляющее нынѣшнихъ марксистовъ отъ былаго Маркса, и не согласиться съ утверженіемъ Каутскаго будто «языкъ «Коммунистическаго Манифеста» можетъ и долженъ насъ полностью удовлетворить».

Неожиданности, внезапности, катастрофичности и отсутствію планомѣрности буржуазныхъ революцій Каутскій противопоставляетъ «политическую революцію пролетаріата, совершающуюся въ демократической обстановкѣ», благодаря которой «становится возможной мирная форма этой революціи, безъ кровопролитія, безъ насилія». Нелѣпо вести демократическими средствами борьбу съ деспотизмомъ за самую демократію. И совсѣмъ другое дѣло борьба за социализмъ, которую ведутъ трудящіеся, составляющіе въ демократіи большинство. Классовыя противорѣчія не ослабляются, по мнѣнію Каутскаго, но — на мѣсто насильственныхъ методовъ прежняго времени демократія вводитъ въ практику политической борьбы методы болѣе мирнаго характера («Пролетарская революція и ея программа», стр. 111, 106 - 108 и др.).

Здѣсь разница принципиальная, никакими толкованіями не устранимая. И если бы Марксъ дожилъ до опубликованія Каутскимъ своей книги, онъ имѣлъ бы, конечно, только лишній поводъ сказать: я, я — не марксистъ!..

Каутскій, правда, предложилъ разъ на всегда отказаться отъ лозунга диктатуры пролетаріата, ибо — «Политиче-

скіе лозунги черпають свой смыслъ гораздо больше изъ исторіи, нежели изъ лексикона. Исторія сдѣлала выраженіе «диктатура пролетаріата» отличительнымъ признакомъ большевиза: .. Оно въ глазахъ массъ такъ же неразрывно съ нимъ связано, какъ и обозначеніе «коммунизмъ». — Но это уже результатъ нѣкоторой личной ценослѣдовательности самого Каутскаго. Болѣе же послѣдовательные почитатели Маркса Манифеста — чтобы не говорить о покойномъ Плехановѣ, назовемъ блестящаго эрудита Макса Адлера, — не только не отказываются отъ идеи диктатуры пролетаріата, но, сочетая диктатуру съ демократіей, видятъ въ первой логическое и необходимое довершеніе второй.

Диктатура, или режимъ насилія присущъ всякой государственности, какъ господству классовому, независимо отъ того, опирается ли оно на численное большинство (тѣмъ паче — меньшинство) или на свое экономическое превосходство. И демократія всегда есть и будетъ формой классоваго государства, диктатуры, сейчасъ — буржуазной, впоследствии — пролетарской: «безъ диктатуры она вообще никогда не была и не будетъ возможна». Подобно буржуазіи, пріостановившей въ критическіе моменты дѣйствіе основныхъ законовъ и вволившей исключительное положеніе, и рабочій классъ, придя къ власти, станетъ ограничивать и отмѣнять свободу печати, собраній, союзовъ для тѣхъ группъ населенія, которыя оказались бы солидарными съ командовавшими и низвергнутыми классами (См. Prof. Max Adler: «Die Staatsauffassung des Marxismus». — Wien. s. 191, 192, 202 и др.) *).

При подобномъ сочетаніи демократіи съ диктатурой отъ демократіи явно ничего не остается: она вся отдается на потокъ и разграбленіе диктатурѣ, «примиряющейся» съ демократіей въ мѣрахъ и предѣлахъ собственнаго усмотрѣнія. Диктатура не только не исходитъ изъ правовой нормы — ни изъ существующей, ни изъ грядущей, какъ полагаетъ Максъ Адлеръ. Наоборотъ, — вмѣстѣ съ упраздненіемъ демократіи диктатура упраздняетъ и возможность какого-либо порядка, покоящагося на господствѣ безличнаго права. Авторъ спеціальной работы о диктатурѣ

*) Сочетаніе диктатуры съ демократіей соблазняетъ не только марксистовъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ № № «Революціонной Россіи» также доказывается, что «въ словоупотребленіи «диктатура демократіи» нѣтъ ничего недопустимаго».

Шмиттъ-Доротичъ правильно отмѣчаетъ, что для диктатуры характерна цѣль, освобожденная отъ всякихъ стѣсненій права и руководящаяся 'необходимостью достигнуть опредѣленнаго фактическаго состоянія, какъ антитезой праву (см. Carl Schmitt-Dorotic: «Die Diktatur. — Von den Anfängen des modernen Souveränitätsgedankens bis zum proletarischen Klassenkampf». S. 12/13). По остроумному замѣчанію Кельсена, — проблема диктатуры имѣетъ съ проблемой демократіи не больше общаго, чѣмъ операція мозга съ проблемой логики.

Какова и чья бы ни была диктатура, если предѣлы ея разума и воли полагаются ею же самой, такое само ограниченіе равно полной неограниченности. Въ этомъ пунктѣ просвѣщенный монархическій абсолютизмъ и абсолютизмъ «ведущаго» класса, соціального авангарда, хотя бы численно составляющаго и большинство, — въ существѣ равны другъ другу. Какъ немыслимо «легальное самодержавіе» (ср. Совр. Зап. № 38, стр. 333), такъ же немыслима и диктатура, на право опирающаяся или право предполагающая.

И для исторически данныхъ диктатуръ право никогда — не регулятивный принципъ и безусловная цѣнность, а лишь средство борьбы, которое можно «использовать», но которое можно и отвергнуть. По крайнему разумѣнію идеологовъ совѣтской диктатуры, «Идею права необходимо вытравить изъ пролетарскихъ мозговъ»; въ ней нѣтъ пользы для рабочаго класса. И для диктатуры въ Италіи, для которой не существуетъ никакихъ и ничьихъ личныхъ правъ, — не можетъ существовать и право объективное. Когда Муссолини только шелъ къ власти, возглавляя лишь фашистскую партію, онъ писалъ: «Долой государство во всѣхъ его воплощеніяхъ! Государство вчерашняго дня, сегодняшняго, завтрашняго. Государство буржуазное и государство социалистическое! Намъ, вѣрнымъ умирающему индивидуализму, остается для печальнаго настоящаго и темнаго будущаго лишь абсурдная, быть можетъ, но зато утѣшительная религія Анархіи»... Когда же Муссолини пришелъ къ власти, возглавивъ и государство, онъ сталъ твердить обратное: «Все для государства, ничего противъ государства, ничего внѣ государства!» И государству, его нуждамъ и величію, какъ ихъ понималъ диктаторъ, были подчинены всѣ сферы жизни: соціально-экономическая, политическая, культурная, —

трудъ, быть, свобода, собственность, школа, наука. Недостаточно усердный землевладѣлецъ лишается земельного участка. Размѣръ заработной платы опредѣляется постановленіемъ фашистскаго синдиката или суда. Разрѣшительная система введена и для открытія банка, и для отлучки за границу. Регламентация настагаетъ даже моды — женскія юбки должны быть по меньшей мѣрѣ на два дюйма ниже колѣнъ. Въ цѣляхъ хозяйственнаго подчѣма страны проектируется запретъ крестьянамъ переселяться въ города, иначе — прикрѣпленіе крестьянства къ землѣ. Драконовскій законъ объ улучшеніи обработки земли — декабрь 1928 г. — обязываетъ не меньше трети земельного участка засѣвать хлѣбными злаками. (Срв. «L'Etat fasciste» въ «La Revue de Paris» № 8 за 1929 г.).

Отрицая диктатуру и крѣпостничество во всѣхъ ихъ видахъ, демократія утверждаетъ себя въ правѣ, на всеобщемъ признаніи права и на всеобщемъ предоставленіи права. Какъ говорилъ еще Лассаль, «Только демократія — и въ этомъ ея гордость — въ правѣ говорить о правѣ. Только въ демократіи все становится правомъ».

**
*

Вся такъ называемая система Совѣтовъ стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ диктатурой, дѣйствующей подъ псевдонимомъ безличной диктатуры класса рабочихъ и бѣднѣйшихъ крестьянъ, а реально являющейся диктатурой лицъ, руководящихъ аппаратомъ ВКП*).

*) Вручая диктатуру комиссарамъ и вводя комиссарскую диктатуру, большевики, конечно, и не подозрѣвали, что они обязаны этимъ терминомъ — и идеей — не дѣятелямъ французской революціи, а крупнѣйшему идеологу восходившаго на историческую авансцену королевскаго абсолютизма — Жану Бодену Своихъ комиссаровъ имѣли не только короли и императоръ священно-римской имперіи, но и сословія.

Боденъ ввелъ въ научный и политическій обиходъ понятіе комиссарской диктатуры, какъ конкретнаго, ограниченаго временемъ и цѣлью выполненія агентомъ власти возложеннаго на него сувереномъ порученія.

Но и по Бодену, легисту французскихъ королей, диктатура должность чрезвычайная и временная, ибо въ противномъ случаѣ — диктаторъ сталъ бы сувереномъ. («Les Six Livres de la République». — Paris. 1577. P. 378 - 393).

Чѣмъ дальше, тѣмъ очевиднѣе, что диктатура эта не «стоитъ», а «падаетъ». И главный вопросъ нынѣшней совѣтской дѣйствительности уже не въ томъ, откуда и «куда растеть» большевицкая диктатура, а въ какую сторону она въ конечномъ счетѣ упадетъ. Чтобы это утверждать, теперь уже не надо быть непремѣнно анти-ленинцемъ. Достаточно быть «уклонистомъ», — уклонившимся отъ официальной, сталинской линіи, вправо или влево — безразлично. Гадающихъ, куда свалится диктатура ВКП, когда завершится процессъ ея гніенія, — больше, чѣмъ реальныхъ претендентовъ и даже охотниковъ — сгнившій плодъ подобрать.

Со времени НЭП-а не сходить со страницъ печати, совѣтской и зарубежной, тема о побольшевицкомъ русскомъ термидорѣ. Гдѣ тѣ «правые термидоріанцы», — мадамъ Коллонтай и Шляпниковъ, — о которыхъ мнѣ приходилось упоминать въ первой половинѣ 21 года (Совр. Зап. № 5)? Гдѣ тогдашніе «лѣвые термидоріанцы» — Дзержинскій, Троцкій и Бухаринъ?.. Одного уже нѣтъ, другой — далече, а третій успѣлъ стать уже «правымъ»!.. «Русское «9-ое термидора», т. е. развалъ диктатуры, при которомъ ликвидація нагроможденныхъ ею противорѣчій переходитъ въ руки имущихъ классовъ въ порядкѣ подлинной буржуазной контр-революціи, стало бы (при «непреодолимыхъ препятствіяхъ, создаваемыхъ режимомъ диктатуры») лишь вопросомъ времени», — писалъ покойный Мартовъ въ концѣ 21 года. Мартовъ допускалъ, что русскій термидоръ, какъ и во Франціи могъ бы «на первыхъ порахъ» оставить формальную власть въ рукахъ революціонеровъ и даже частью — вчерашнихъ участниковъ диктатуры, отпавшихъ отъ нея въ послѣдній моментъ». Но отъ этого «развязка» не потеряла бы своихъ «термидоріанскихъ» чертъ.

Реально ликвидація большевицкой диктатуры за послѣдніе 8 лѣтъ подвинулась впередъ не на много. «Самол ликвидація» натолкнулась на препятствія, заложенные въ самой природѣ диктатуры. Но рѣчи о «термидоріанскомъ исходѣ» большевицкой революціи, продолжаясь, осложнились соображеніями о «бонапартистскомъ перерожденіи» революціи, — излюбленнымъ — и заѣзженнымъ — конькомъ демагоговъ всѣхъ временъ и народовъ. Въ Россіи на немъ начали гарцевать, внося панику и политическій шантажъ въ ряды демократіи, уже черезъ два мѣ-

сяца послѣ побѣды національной революціи 17 года. И сейчас и «имущихъ» то классовъ настоящихъ въ Россіи нѣтъ — имущіе стали немущими безъ того, чтобы немущіе сдѣлались имущими, — и самага что ни на есть заставляющаго «Бонапарта» на русскомъ горизонтѣ не видать, но власть схемъ и историческихъ аналогій настолько могуча, что «подлинная буржуазная контръ-революція» (термидоръ) и «Бонапартъ» оказываются уже не символами, а реальностями, которыми, не стѣсняясь, оперируютъ самые почтенные и серьезные политическіе дѣятели. Особенно изошрялись во всѣхъ этихъ сближеніяхъ и историческихъ аналогіяхъ марксисты, ленинцы и анти-ленинцы одинаково.

Анти-ленинцы, руководящіе нынѣшней РСДРП, уже признали русскую революцію «неудавшейся и утопической» и «бонапартистскій финаль русской революціи» «въ высокой степени вѣроятнымъ», — «тѣнь бонапартизма, если не въ наполеоновской треуголкѣ, то въ красноармейскомъ шлемѣ, надвигается на Россію» (Соціал. Вѣстникъ № 7/8 отъ 12. IV. 1929). Правда, «даже и сейчасъ еще исторически не исключень» наиболѣе благопріятный демократическій финаль революціи; но для этого требовалось бы возникновеніе в н у т р и диктатуры, въ результатъ борьбы теченій, «внушительной силы, готовой и способной въ той или иной формѣ добровольно произвести процессъ самоликвидациі». Шансы перехода «на тормазахъ» къ режиму демократіи «въ настоящихъ условіяхъ чрезвычайно невелики», — врядъ ли «даже имѣется одинъ шансъ противъ десяти»...

Можно откинуть марксистское обосноваіе этихъ шансовъ, психологически и политически исходящее отъ устарѣвшей предпосылки объ «антиколлективистическомъ черепѣ» крестьянства, экономическіе интересы котораго могутъ быть удовлетворены почти одинаково и на основѣ демократіи, и на основѣ диктатуры, — съ которой «въ извѣстный историческій моментъ» крестьянство «въ своей массѣ» можетъ примириться. Точно другіе классы въ этомъ отношеніи чѣмъ-либо отличаются отъ крестьянства! Точно не явлено въ историческомъ опытѣ совѣтской диктатуры, что въ извѣстный моментъ на почвѣ диктатуры экономическіе интересы пролетаріата могутъ быть сравнительно болѣе удовлетворены, чѣмъ интересы всѣхъ другихъ классовъ, и что именно пролетаріатъ «въ своей массѣ» склоненъ примириться съ диктатурой гораз-

до скорѣе и легче, чѣмъ крестьянство! А опытъ наполеоновской диктатуры! Развѣ «въ извѣстный историческій моментъ» рабочій классъ Франціи «въ своей массѣ» не поддержалъ Бонапарта?!. Повторяю, можно отбросить марксистскую философію исторіи и въ то же время удержать политическій прогнозъ марксистовъ антибольшевиковъ: у бонапартистскаго финала «шансовъ» въ десять разъ больше, чѣмъ у демократическаго...

Гораздо отраднѣе и, можно сказать, бравурнѣе прогнозы неофициально лѣвыхъ эсэровъ, возглавляемыхъ В. М. Черновымъ. Ихъ разсужденія отталкиваются отъ схѣмы революціи, установленной идеологомъ перманентной революціи — Троцкимъ.

Изобличая необоснованную тягу «слабоголовыхъ меньшевиковъ къ буржуазной демократіи», Троцкій выдвинулъ обратное положеніе. Превращеніе Совѣтовъ въ демократію абсолютно невозможно. Это не значитъ, что бы Троцкій слишкомъ вѣрилъ въ прочность сталинскаго режима. Отнюдь нѣтъ! Но не режимъ демократіи его замѣститъ. Приводя слова Наполеона, сумѣвшаго уловить «динамику революціонной эпохи» въ альтернативѣ: Европа будетъ республиканской или казацкой, — Троцкій для современной эпохи устанавливаетъ свою альтернативу: Россія будетъ совѣтской или бонапартистской!

Все дѣло — въ эпохѣ. При почти первобытной вѣрѣ въ «историческій детерминизмъ» Троцкій устанавливаетъ всемірной исторіи свой гороскопъ: «XX-й вѣкъ во многихъ отношеніяхъ будетъ отличаться отъ XIX-го гораздо больше, чѣмъ вся новая исторія отличается отъ средневѣковья». Демократическія учрежденія показываютъ, что они не выдерживаютъ давленія современныхъ противорѣчій — когда международныхъ, когда внутреннихъ, а чаще всего тѣхъ и другихъ одновременно. Троцкій пользуется «электро-технической аналогіей» для характеристики демократіи. Демократія — «система коммутаторовъ и изоляторовъ при слишкомъ сильныхъ токахъ національной и социальной борьбы». Для сверхъ-напряженія, дающаго себя чувствовать въ различныхъ пунктахъ европейской сѣти, эта система непригодна. «Коммутаторы демократіи расплаются и взрываются. Таково дѣйствіе короткаго замыканія диктатуры». Безнадежно предполагать, что демократическіе коммутаторы либеральнаго или социалистическаго типа выдержатъ противорѣчія, достигшія высшаго напря-

женія за послѣднюю четверть вѣка. И Россія не можетъ вернуться на путь капитализма, который былъ бы вторымъ и худшимъ изданіемъ русскаго капитализма. Россія очутилась бы тогда даже не на третьемъ планѣ въ капиталистическомъ мѣрѣ, а на положеніи полу-колоніи иностраннаго капитала (См. послѣднюю, шестую статью, опубликованную Троцкимъ за рубежомъ. Въ отдѣльномъ изданіи — «La Révolution Proletarienne» отъ 1. V. 929. — Paris).

Троцкій выдвинулъ положеніе — «Термидоръ лишь одинъ этапъ на пути къ бонапартизму. Этапъ этотъ вовсе не долженъ быть непремѣнно реализованъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Контръ-революція можетъ и перепрыгнуть черезъ ту или другую ступеньку». И въ Россіи побѣдоносная буржуазная контръ-революція можетъ и, по убѣжденію Троцкаго, по необходимости и должна принять форму «самой высшей, чисто-милитарной концентрации власти» — фашизма или бонапартизма, но никакъ не демократіи.

Ходъ послѣдняго разсужденія и соблазнилъ Чернова. Онъ обращаетъ его противъ Троцкаго и доказываетъ, — если можно «перескочить» черезъ фазу термидоріанскую, почему нельзя перескочить и черезъ другія, въ частности, черезъ бонапартизмъ? Правда, нашъ термидоръ, въ отличіе отъ французскаго, былъ «сухой» и затянулся «безконечно долго» изъ-за сталинской политики «ни тпру, ни ну». Правда, термидоръ во Франціи былъ предтечей бонапартизма. «Да, такъ было однажды, но откуда же слѣдуетъ, что такъ всегда полагается? Риторическіе вопросы окончательно завладѣваютъ вниманіемъ и, во всемъ усомнившись, авторъ начинаетъ перескакивать черезъ всѣ препятствія — историческія и логическія. «А, можетъ быть, мы черезъ бонапартизмъ уже перескочили? Когда Троцкій сталъ во главѣ Красной Арміи, еще дѣля съ угасшимъ Ленинымъ двойной вѣнокъ совмѣстной славы, и упустилъ моментъ отправить Сталина подъ надежнымъ красноармейскимъ эскортомъ хотя бы туда, куда впослѣдствіи Сталинъ отправилъ его самого, и далъ вмѣсто этого Сталину исподволь создать вокругъ него пустоту — не тогда ли рѣшался вопросъ, быть въ Россіи бонапартизмъ или нѣтъ?»

И термидоръ уже пройденъ, и бонапартизмъ уже въ прошломъ... И сейчасъ уже не такъ скверно, а будущее и совсѣмъ безмятежно. Чѣмъ не идиллія! Къ сожалѣнію,

только не въ исторической дѣйствительности, а въ воображеніи непростительно - прекраснодушнаго редактора «Революц. Россіи».

Бонапартъ-Троцкій «пугаетъ» — : «Если имущимъ классамъ такъ надо, то, согласно одному сталинскому изреченію, они «и изъ уличнаго дерьма могутъ вылѣпить себя князя». Да, событія могутъ принять такое направленіе, что и Климъ (Ворошиловъ) выскочитъ въ князья. Это будетъ Бонапартъ третьяго сорта... Не Климъ, такъ Буденый. Недостатка въ Бонапартахъ у насъ не предвидится». Напрасно «нсвятанцевавшійся» Бонапартъ «пугаетъ», — Чернову все одно «не страшно», и онъ мужественно вытанцевываетъ довольно банальныя вещи — : «Исторія не дала намъ побѣдоносной во внѣшнихъ войнахъ красной арміи, а потому не дала и полководца — идола арміи, а затѣмъ и всей страны. А, главное, не даетъ намъ и шансовъ (?) на то, чтобы побѣдными лаврами въ будущемъ примирить страну съ жалкимъ внутреннимъ положеніемъ. Войну вести не съ чѣмъ и не на что. Теперь воюютъ не пушечнымъ мясомъ, котораго у насъ довольно, а техникой и деньгами, которыхъ у насъ нѣтъ, «и не жди — не будетъ». Гдѣ же тутъ серьезная опасность бонапартизма, которую изыскиваетъ Троцкій?» — Фильмъ нашей исторіи «крутится» въ обратномъ направленіи, не «по-французски», а «по-русски». «Не отъ демократіи черезъ термидоръ къ бонапартизму, а затѣмъ и реставраціи. Нѣтъ: отъ крушенія всѣхъ попытокъ «бѣлой» реставраціи и отъ невытанцевавшагося бонапартизма черезъ его «эрзацъ», легальное термидоріанство сталинской Директоріи — политбюро, къ — демократіи» (Револ. Россія № 73).

Все хорошо, что хорошо кончается! И русская революція удалась, и со всѣми Термидорами и Бонапартами уже давно покончено! Утѣшительныя перспективы, безпечальное житіе!

**

Намъ очень чуждо и далеко столь розовое воспріятіе прошлаго, сущаго и грядущаго Россіи. Отнюдь не все скверное уже въ прошломъ, и не однѣ только розы видятся намъ въ будущемъ. Сколь ни необходимъ для Россіи, сколь ни желателенъ для насъ демократическій исходъ русской революціи, онъ далеко не обезпеченъ. И чѣмъ

дальше, тѣмъ шансы на такой исходъ слабѣютъ. Ибо крѣпнеть худшій видъ реакціи — въ душахъ подвластнаго диктатурѣ населенія. «Революція сдѣлала насъ пессимистами, — передаетъ Е. Д. Кускова въ «Волѣ Россіи» слова служилой въ СССР интеллигенціи. Культурной власти въ некультурной странѣ не можетъ быть». А становится ли съ годами власть культурнѣе? Не отстаётъ ли она все болѣе отъ уровня задачъ, которыя ставитъ время и внѣшнее и внутреннее, жалкое, по признанію и безпечальнаго Чернова, положеніе страны? Оборонять Россію не съ чѣмъ и не на что. И техника отстала, и денегъ нѣтъ, «и не жди — не будетъ!» А угрозы дальнѣйшаго расчлененія Россіи не падаютъ, а возрастаютъ. На всѣхъ моряхъ и со всѣхъ сторонъ — на крайнемъ юго-западѣ и на ближнемъ и дальнемъ востокѣ, отъ Украины и до Монголіи, — подстерегаютъ Россію опасности. На путяхъ «самоопредѣленія» народовъ вплоть до отдѣленія грозитъ Россіи опредѣленіе ея этнографически - «законныхъ» границъ. Партаппаратъ во главѣ со Сталинымъ, правительство микадо, Пилсудскій и Кемаль-паша, не говоря о другихъ диктаторахъ и менѣе явныхъ и серьезныхъ комбинаторахъ, мечутъ жребій о судьбахъ — и ризахъ — Россіи.

Не больше прежняго у насъ и сейчасъ надеждъ, что большевицкая власть уйдетъ въ небытіе сама, — медленно, но вѣрно спускаясь «на тормозахъ», «дозволюционируетъ» до нормального типа правительства, опирающагося на общественное мнѣніе. Въ конецъ разбиты теперь иллюзіи не только о демократіи въ Россіи, но и о внутрипартийной демократіи въ предѣлахъ хотя бы самой ВКП. Когда какъ будто начиналась «самоликвидация» большевизма въ 21-омъ году, медленно-эволюціонный и мирно-соглашательскій исходъ могъ еще казаться «едва ли не наилучшимъ» (см. Совр. Зап. № 5). Ибо Кароагенъ, обреченный гибели, — не взять, а предоставленъ внутреннимъ процессамъ гшенія и собственному паденію... Тогда еще можно было оцѣнивать такой исходъ съ точки зрѣнія послѣдующихъ судебъ демократіи, опасаться какъ бы дѣло демократіи не было на долгое время скомпрометировано связью съ разлагающимся режимомъ. Теперь объективное положеніе и внутри и во-внѣ еще болѣе напряжено, еще болѣе рисковано. И былой «наихудшій» исходъ можетъ субъективно представляться **наиболѣе желаннымъ**

уже не только Дану или Кусковой, но и Керенскому и даже Милюкову.

Однако, сколько ни желай «предотвращенія новаго взрыва», сколько ни молись, хотя бы «до кроваваго по-та о томъ, чтобы миновала революціонная чаша русскій народъ» («Дни» № 32, 33 и 34), сколько ни толкай «кремлевскихъ диктаторщиковъ на путь добровольныхъ уступокъ, на путь примиренія со страной, на путь политическаго компромисса», — политическая бесплодность всѣхъ этихъ душевныхъ состояній и дѣйствій очевидна и для тѣхъ, кто ихъ рекомендуетъ. А. Ф. Керенскій и самъ отлично знаетъ, что «самодержавіе никогда не уступаетъ», что таковъ общій законъ — и рокъ — исторіи. Но тактику свою онъ опредѣляетъ не нуждами сегодняшняго только дня, а положеніемъ, которое создастся въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Онъ ориентируетъ свою политическую линію не на отношеніе къ существующему режиму, а на положеніе, которое создается н а с л ѣ д у щ и й д е н ь п о с л ѣ паденія существующаго и обреченнаго строя. Поэтому его главная забота не о самомъ переворотѣ, а объ оправданіи переворота послѣ того, какъ онъ, неизбежно и для Керенскаго, свершится, — : «только воля во что бы то ни стало предотвратитъ революцію оправдываетъ участіе въ ней». Крѣпя «волю» къ тому, чтобы «стучаться даже въ наглухо забитыя двери», «настаивать передъ существующей властью на предотвращеніи новой національной катастрофы», — Керенскій полагаетъ, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, и даже тѣмъ с а м ы м ъ, готовитъ и «кадры бойцовъ на тотъ часъ, когда послѣдніе сроки для уступокъ будутъ властью упущены».

Не будемъ опровергать эту точку зрѣнія. Ограничимся указаніемъ, что она, можетъ быть, и очень дальновидна, но совершенно не жизненна и нереальна: глядя въ даль, она не видитъ ближайшаго, того, что передъ самыми глазами; не считается съ психологической н е в о з м о ж н о с т ь ю одновременно пребывать даже въ сознаніи, не то что «волею» въ двухъ разныхъ и противоположныхъ планахъ: жить грядущимъ какъ въ настоящемъ, склонять власть къ уступкамъ, къ возвращенію къ реакціи хотя бы Александра III, и одновременно готовить «бойцовъ» на тотъ часъ и случай, если и ко-

гда увѣщанія останутся безуспѣшны и никакихъ уступокъ не воспослѣдуетъ.

Можно и не готовить за-рубежомъ «кадровъ бойцовъ» и не говорить «да» путямъ борьбы, грозящимъ расчлененіемъ подорванному государству. Но нельзя себя или другихъ тѣшить перспективой будто себя и всѣ историческіе сроки пережившій режимъ можетъ быть реорганизованъ желаннымъ, безболѣзненнымъ и эволюціоннымъ способомъ. Роковой взрывъ неминуемъ, и общественное мнѣніе должно къ тому быть подготовлено, если не организационно-политически, то хотя бы психологически.

Всѣ основанія предполагать, что въ результатѣ взрыва произойдетъ радикальное, а не частичное измѣненіе существующаго въ Россіи строя. Но что измѣненіе произойдетъ непремѣнно въ желанномъ направленіи, къ тому, къ сожалѣнію, достаточныхъ основаній не имѣется. Въ этомъ отношеніи Керенскій совершенно правъ: нѣтъ шансовъ, чтобы диктатуру ВКП смѣнила «совершенная демократія». Полную силу сохраняеть «исторически-обусловленная» вѣроятность, установленная нами въ томъ-же № 5 Совр. Зап., на который мы уже не разъ ссылались. «Темно и безрадостно ближайшее будущее Россіи. Придется еще долго расплачиваться за «великое напрасно», за исторически зря «разбитые горшки», за срывъ революціи, за «похабный миръ», за недопустимую роскошь, которую себѣ позволилъ русскій народъ, пребывая 3½ года подъ властью «рабоче-крестьянскаго» правительства. За все это придется платить и платиться. Но худшее, надо думать, все же позади!»..

**
*

Какъ возможно созданіе новой власти?

Разъ возможность образованія такой власти въ порядкѣ уступокъ — или уступки — мы рѣшительно отвергаемъ даже въ качествѣ самой отдаленной вѣроятности, приходится допустить, не конкретизируя ближе, что власть возникнетъ такъ же, какъ она обычно возникаетъ въ подобныхъ случаяхъ, т. е. путемъ личной или групповой инициативы, въ порядкѣ самозарожденія и самопровозглашенія; иначе, — какъ власть фактическая, не получившая ни отъ кого мандата на властвованіе и осуществ-

вляющая его за собственной отвѣтственностью до позднѣйшей ея легитимациі народомъ.

Когда вѣсть о седанскомъ разгромѣ и капитуляціи арміи во главѣ съ самимъ диктаторомъ-императоромъ дошла до Парижа, самочинно образовавшееся скопленіе въ нѣсколько тысячъ человекъ направилось въ городскую думу, и тамъ изъ депутатовъ г. Парижа, входившихъ въ наполеоновскій Законодательный корпусъ, составилось Правительство Національной Обороны. Но и 150 тысячъ голосовъ, поданныхъ въ пользу новой власти при организованномъ насѣхъ плебисцитѣ 31 октября 1870 г., были недостаточны для того, чтобы превратить фактическое правительство въ правительство регулярное.

Въ отсутствіе другихъ органовъ власти правительство Гамбетты въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ осуществляло власть формально диктаторскую. Правительственные декреты въ моментъ ихъ опубликованія не являлись законами въ собственномъ смыслѣ слова. Сила правовыхъ нормъ сообщена имъ была позднѣе общест вен н ы м ъ признаніемъ. То, что было провозглашено группой случайныхъ лицъ, не обладавшихъ легальными къ тому полномочіями, шло навстрѣчу требованіямъ жизни, болѣе или менѣе совпадало съ общественнымъ мнѣніемъ сначала Парижа, потомъ — всей страны. Во всякомъ случаѣ — не вызывало противъ себя серьезныхъ протестовъ. Длительность, такъ называемыхъ, конклюдентныхъ дѣйствій подавляющаго большинства населенія, выразившихся въ выполненіи декретовъ самочиннаго правительства — въ соблюденіи процедуры выборовъ въ Національное Собраніе, въ признаніи факта расширенія Собраніемъ его первоначальныхъ полномочій и т. д. — эти и другія психологическія состоянія и цетворили фактъ въ право, заполнили пробѣлъ, образовавшійся въ государственномъ правопорядкѣ Франціи послѣ событій 2 сентября.

Такова типическая форма образованія власти послѣ ея прерыва. Такъ же создается фактическое правительство въ Россіи въ февралѣ-мартѣ 17 года, переставшее существовать до того, какъ новую власть юридически успѣло оформить Учредительное Собраніе. И въ будущемъ сверженіе совѣтской власти неминуемо связано съ воспроизведеніемъ тѣхъ же классическихъ образцовъ. Какъ всякое сверженіе, оно будетъ, конечно, незаконнымъ, внѣзаконнымъ и про-

тивозаконнымъ. Вънѣшне диктаторіальная власть по существу съ первыхъ же часовъ опредѣлится о к а з а т е л ь с т в о м ъ своихъ благихъ намѣреній.

Когда фактическое правительство одушевлено демократическимъ духомъ, его главная забота — въ возможно болѣе короткій срокъ уступить мѣсто правительству регулярному, признанному общественнымъ мнѣніемъ, опирающемуся не на случайно сложившуюся конъюнктуру и силу, а на право и нормально дѣйствующія учрежденія. Такъ поступала революція въ 48 году. Такъ же дѣйствовало правительство Національной Обороны въ 70 году. Такъ же дѣйствовало и Россійское Временное Правительство, которое склонны обвинять въ двухъ діаметрально противоположныхъ грѣхахъ — въ б е з с и л и и, (хотя и послѣдующіе русскіе диктаторы: Колчакъ, Деникинъ и Врангель оказались не многимъ сильнѣе — и успѣшнѣе — Временнаго Правительства), чуть ли не въ умышенномъ отказѣ отъ осуществленія власти, и въ то же время — въ диктаторскомъ присвоеніи всей полноты верховной власти (хотя Правительство только и думало о томъ, чтобы «подпереть» новую власть органами общественнаго мнѣнія, составленными на основѣ права и гражданскихъ свободъ).

По тому, кто оказывается во главѣ фактической власти, какими лозунгами и цѣлями она обосновывается, какими средствами осуществляется и на какой срокъ простирается фактической характеръ властвованія, — можно безошибочно сказать, знаменуетъ ли новая власть лишь смѣну одной диктатуры другой или замѣну произвола правомъ. Что не совмѣстимо съ диктатурой, что тушить ее, какъ вода пламень, это — гражданскія свободы. И сравнительная вредоносность диктатуры опредѣляется мѣрою умаленія — или сохраненія ею — гражданскихъ свободъ. В с ѣ х ъ свободъ, а не свободы хозяйственной только, на которой настаиваютъ, разумѣя подъ нею свободу частной собственности, заявившіе себя бонапартистами безъ и до Бонапарта — К. I. Зайцевъ и А. С. Изгоевъ.

Тѣмъ подлиннѣе диктатура, чѣмъ сильнѣе умалены свобода совѣсти, слова, печати, собраній, союзовъ, партійныхъ объединеній. И тѣмъ опаснѣе она, чѣмъ произвольнѣе — никѣмъ и ничѣмъ, ни закономъ, ни срокомъ не ограниченная — закрываетъ она всѣ правовые выходы

изъ фактическаго положенія. Анти-большевики фашисты, какъ и анти-фашисты большевики одинаково не замѣчаютъ логической и, главное, психологической неубѣдительности ихъ взаимныхъ призывовъ къ сверженію вражеской диктатуры во имя установленія своей, — иногда даже по имени не называемой, а защищаемой «отъ обратнаго», отъ избличенія обратнаго диктатурѢ — демократіи. Разумно ли, стоитъ ли ломать копыя и лить кровь, а не чернила, для того только, чтобы на мѣсто одного насилія — пусть: именемъ пролетаріата! — стало другое, аналогичное — именемъ «вождя» или даже «націи»? Если въ глазахъ массъ, какъ и въ глазахъ отдѣльныхъ лицъ, диктатура неразрывно связывается съ большевизмомъ — или, соотвѣтственно, съ фашизмомъ, — цѣлесообразно ли, просто, расчетливо ли противникамъ большевизма — или фашизма — связывать свои надежды съ идеей диктатуры? Каутскій правъ, — политическіе лозунги черпаютъ свой смыслъ гораздо больше изъ исторіи, нежели изъ лексикона!

Съ диктатурой часто смѣшиваютъ положеніе, создавшееся въ связи съ усложненіемъ и даже демократизаціей новѣйшаго государства. Конечно, ни усиленіе правительственной власти за счетъ законодательной, путемъ самоограниченія послѣдней и временной передачи ею нѣкоторыхъ полномочій правительству, какъ это было во Франціи; ни усиленіе роли избирательнаго корпуса за счетъ органовъ законодательства, какъ это происходитъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій въ Англіи (подробнѣе см. «Кризисъ власти» и «Демократія въ ЕвропѢ» въ № № 29 и 37 С о в р. З а п и с о к ъ), ни въ какой мѣрѣ не являются выраженіемъ диктатуры. Тѣмъ менѣе является диктатурой непарламентарная форма образованія правительства, — будетъ ли оно организовано по сѣверо-американскому образцу, съ преобладаніемъ личной власти президента, или по швейцарскому, какъ правительство несмѣняемое въ теченіе заранѣе установленнаго, въ Швейцаріи трехлѣтняго, срока, или даже по шведскому, — приближающемуся къ такъ называемой дуалистической системѣ власти.

Не является диктатурой и предусмотрѣнный въ республиканско-парламентарной Германіи порядокъ понужденія «земель» къ выполненію ими своихъ обязательствъ и законовъ имперіи или для восстановленія серьезно на-

рушенныхъ въ странѣ «общественнаго порядка и безопасности». Въ этихъ цѣляхъ ст. 48 веймарской конституціи предоставляетъ имперскому президенту, за скрѣпой и отвѣтственностью соотвѣтствующихъ министровъ, обращаться въ случаѣ надобности къ вооруженной силѣ и временно приостанавливать, полностью или частично, дѣйствіе статей 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153 конституціи, охраняющихъ неприкосновенность личную и жилищную, тайну корреспонденціи почтовой, телеграфной и телефонной, свободу печати, собраний, союзовъ и частной собственности. Президентъ обязанъ при этомъ безотлагательно увѣдомить о принятыхъ имъ мѣрахъ рейхстагъ и по требованію послѣдняго ихъ отмѣнить.

Диктатура остается диктатурой, какія бы ни ставились ей цѣли. Разное пониманіе высшаго или общественнаго блага — государства и порядка, Бога и Церкви, семьи и собственности или: хлѣба и свободы, міра и человѣчества, социализма и мира, — не мѣшаютъ, увы, схожему осуществленію насилія *). Если въ самомъ общемъ видѣ демократія это — «правопорядокъ, установленный тѣми, кто этому порядку подчиненъ» (Ксельсенъ), то диктатура это — обратное: порядокъ или подобіе порядка, установленные властителями сообразно собственному разуму и волѣ относительно къ разуму, волѣ и чувствамъ имъ подвластныхъ. Въ этомъ отношеніи властители всѣхъ временъ и народовъ стоятъ другъ друга, а титулы — и формулы — ихъ власти почти равнозначны. Когда римскій юристъ Ульпианъ наставлялъ «*Quod placuit principi legis habet vigorem*»,

*) Въ № 16 «Пути» мы находимъ съ нашей гочки зрѣнія правильную, но для религіознаго сознанія не совсѣмъ обычную защиту Н. А. Бердяевымъ примата средствъ надъ цѣлями въ такихъ выраженіяхъ: «Цѣли»—абстракціи, которыми можно прикрыть что угодно. И болѣе мудрымъ представляется перестать обращать исключительное вниманіе на «цѣли» и сосредотоочить свое вниманіе на «средствахъ», что болѣе соогвѣтствуетъ духу хрисіанства.. Жизнь человѣческая заполнена «средствами» и потому они болѣе свидѣтельствуютъ о томъ, какого духа человѣкъ, чѣмъ отвлеченныя цѣли и отвлеченныя идеи. «Средство» и есть «путь». И передъ судомъ хрисіанской духовности Марковъ 2-ой и Сталинъ люди одного духа, одного пути. Я бы только прибавилъ, что тотъ, кто устраиваетъ застѣнокъ «чеки» во имя Божіе, въ тысячу разъ хуже того, кто устраиваетъ его во имя сатаны».

а французскіе Бурбоны законодательствовали «*car tel est notre bon plaisir*», или когда смѣнившій Бурбоновъ, «дитя революціи», — Наполеонъ рекомендовалъ слѣдовать волѣ народа, извѣстной, однако, не народу, а императору; или когда совѣтская власть руководится наиболѣе простой, бланкетной формулой — «безпощадное подавленіе сопротивляющихся», — а «императоръ» Кирилль призываетъ «всѣхъ русскихъ людей проникнуться твердостью м о и х ъ стремленій видѣть все населеніе Имперіи Всероссийской свободнымъ, умиротвореннымъ и благоденствующимъ»; — повсюду явственно проступаетъ стержень диктатуры — личный произволъ.

Не потому неотмѣнимо народовластіе, что оно — порука хорошаго управленія, какъ облыжно утверждаютъ его ненавистники, а потому, что, хорошо оно или дурно, но внѣ его и право объективно неосуществимо, и власть для человѣка XX вѣка психологически невыносима. Какъ формулируетъ Кельсенъ, — если надъ нами ужъ суждено быть власти, то мы хотимъ быть подъ властью насъ самихъ.

И могильщики свободы и народоправства не въ силахъ это отрицать. И они, фальшивя и кляня, втихомолку и украдкой вынуждены капитулировать передъ народоправствомъ и свободой какъ разъ въ тотъ моментъ, когда торжествуютъ надъ ними свою побѣду. Удушая свободу, они славятъ ее *), и отрицая народоправство, прибѣгаютъ къ нему, въ его самыхъ несовершенныхъ формахъ.

Въ этомъ Немезида диктатуры, избобличающая ея внутреннюю фальшь и ничтожество.

Маркъ Вишнякъ.

Р. С. Пользуюсь случаемъ, чтобы исправить «материальную» ошибку, допущенную въ предыдущей статьѣ «О рус-

*) См. очень интересную книгу «*Les Idées Napoléoniennes par le prince Napoléon-Louis Bonaparte*». Paris. 1839. — р. 35, написанную будущимъ Наполеономъ III, когда онъ былъ эмигрантомъ въ Англии. Въ апологіи прошлаго — идей Наполеона I — заключена была и программа будущаго.

ской революціи, — кануны и свершенія» (Совр. Зап. № 38, стр. 324).

Вмѣстѣ съ В. А. Маклаковымъ, П. Б. Струве и М. В. Челноковымъ въ бесѣдѣ со Столыпинымъ за нѣсколько часовъ до роспуска 2-ой Думы и измѣненія избирательнаго закона участвовалъ не Н. Н. Львовъ, а С. Н. Булгаковъ, нынѣ о. Сергій.

М. В.